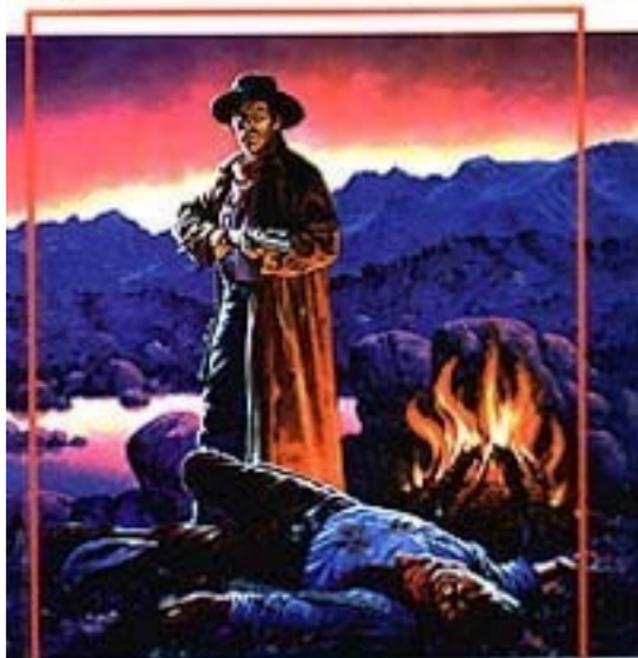

ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ПАРЕНЬ С ГРАНИЦЫ

Макс Брэнд

Песнь бича

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135125

Парень с границы: Романы-вестерны: Центрполиграф; Москва; 1998

ISBN 5-227-00146-4

Аннотация

В романе «Песнь бича» Монтана Кид, рискуя жизнью, освобождает зверски наказанного хозяином мексиканского крестьянина, и этот поступок влечет за собой цепь трагических событий.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	59
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Макс Брэнд

Песнь бича

Глава 1

В фольклоре пеонов¹ «Песнь Бича» бытует с незапамятных времен; мексиканские крестьяне бережно хранят ее и передают из поколения в поколение. Правда, петь эту песню они осмеливаются, лишь когда находятся одни, вне досягаемости слуха своих господ и хозяев: государственных чиновников, богатых землевладельцев, надсмотрщиков и сельских жандармов. Причина подобной предосторожности таится в ее словах. Оригинальный текст сложен для перевода, но если опустить некоторые из наиболее смачных выражений, то получится примерно следующее:

До чего ж надоели мне эти рабы
С их дубленой и грубою кожей;
От битья она только крепчает...
Чтоб пронять до души
И заставить пеона кричать,
Нужно шкуру изрезать до кости.

¹ Пеон – в Латинской Америке батрак, поденщик, крепостной. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

А вот с нежною кожею дело иное:
Из нее извлеку даже песню.
Эта музыка муки и боли
Будет с губ благородных срываться.

А последние четыре строки в вольном переводе звучат
вроде этого:

Довольно с меня толстокожих пеонов,
Педро, Хуанов, Хосе и Леонов.
Подайте хозяев с господской террасы,
Диаса, Анхелеса или Лерраса.

Вот эту самую песню и распевал молодой парень на берегу Рио-Гранде. Пел громко и задушевно, поскольку здорово набрался мескаля². Особый эффект его пения достигался тем, что этот мексиканский ковбой, разряженный в расширенный серебряными блестками костюм из желтой кожи, горланил песню в городишке, который весь, до последней пяди, находился на землях того самого благородного семейства Леррасов. Пеоны побросали свою работу и подошли, чтобы послушать. Оглядываясь по сторонам и убеждаясь, что поблизости нет никого из хозяйских прихвостней, они улыбались, переглядывались и с нескрываемым удовольствием наслаждались оскорблениями, звучавшими в адрес их господ. А парень, разъезжая на лошади взад и вперед, продолжал

² Мескаль – мексиканская кактусовая водка.

распевать, время от времени прикладываясь к бутылке, которой к этому же отбивал ритм.

Куплет следовал за куплетом. Все мексиканские песни необычайно длинные, а эта походила на целую эпическую поэму, по большей части столь непристойную, что выдержать подобное могли лишь уши пеонов.

А по другую сторону узкой в этих местах знаменитой Рио-Гранде, в патио³ таверны, обращенном на юг, прямо в сторону мексиканского городка, эту песню слушал, потягивая холодное пиво и покуривая сигарку, Монтана.

Высокий мужчина с выгнутыми колесом негнушимися ногами, выдававшими в нем истинного наездника Запада, подошел к его столику и сдвинул на затылок шляпу. Тесная тулья оставила на лбу красную полосу, по его лицу медленно струился пот.

– Ты – Монтана? – спросил он.

– Кое-кто меня так называет, – с еле заметной улыбкой ответил Кид.

– Меня зовут Райли. Я живу в этих местах.

– Присядь, в ногах правды нет, – пододвигая стул, предложил Кид.

Райли уселся.

– Выпьешь? – поинтересовался Монтана.

– Давай сначала потолкуем.

– Ну тогда говори.

³ Патио – внутренний дворик.

– Мы тут с ребятами кое-что обсуждали, – усаживаясь поудобней и передвигая пояс так, чтобы кольт в кобуре оказался под рукой, начал Райли. – Нас очень интересует, надолго ли ты задержишься в наших краях.

– Пока не отдохну.

– Но кое-кто из ребят обратил внимание, что ты вовсе не выглядишь усталым.

– Да ну?

– С виду свеж как огурчик.

– Внешний вид зачастую бывает обманчив, – заметил Монтана. – Знаешь, сколько на свете людей со здоровым цветом лица и улыбкой на устах должны щадить свое больное сердце? Закуришь?

Райли принял предложение и свернул из желтоватой маисовой бумаги и табака «Булл Дерхэм» сигарку.

– Интересно, из чего его делают? – любопытно спросил Райли. – Мелко режут сорняки и пропитывают отжимками табачного сока?

– Какая разница? Все дело в привычке, – буркнул Монтана.

– Вот это-то мне больше всего и нравится в людях! Забавно, как некоторые привязаны к своим привычкам. Одни наслаждаются свежим воздухом и жизнью в чудесном краю, а другие скучают без каменных плоскогорий и пыли пустыни. Находятся и такие, кому жизнь не в радость, если нет опасностей. – Райли посмотрел прямо в глаза Монтане.

– Ну да, – отозвался тот. – Одни жить не могут без пульке⁴, а другие не станут поить им даже свиней.

– И тем не менее, – продолжал Райли, – даже в этом патио можно найти пять-шесть человек, в чьих головах засела одна и та же мысль... Посмотри. Вот этот костлявый оборванец, что сидит один, и те двое парней в углу, которые потягивают водку и тихонько переговариваются, а еще та парочка у ворот патио, делающая вид, что нас не замечает... Как ты думаешь, что у них на уме?

– Мечтают о дне грядущем, – быстро нашелся Кид.

– Черта лысого! Они думают о твоей персоне. Сколько тебе лет, Монтана?

– Если иметь в виду годы, то не так уж и много. Но если сосчитать все выпавшие на мою долю заботы и напасти...

– Мне это известно, как и то, что у тебя красивые волосы, а все эти бродяги спят и видят, как бы снять с тебя скальп.

– Неужели? – приглаживая длинными пальцами только что упомянутые собеседником волосы, удивился Кид.

– В Чиуауа за голову Монтаны обещают пять тысяч долларов. В Соноре – десять тысяч песо. А в Мехико к этой сумме добавляют еще столько же.

– И все ж не думаю, что эти ребята гонятся за моим скальпом, – добродушно возразил Кид. – А вот мы сейчас проверим. – Он встал и окликнул мексиканцев: – Друзья! Послушайте меня...

⁴ Пульке – мексиканский хмельной напиток из агавы.

Посетители таверны, услышав голос Монтаны, едва не перхнулись.

– Друзья, – дождавшись, когда все повернутся к нему, продолжал Кид, – вы что, охотитесь за моим скальпом?... Эй, ты, со сломанным носом, убери лапу с револьвера! И ты, в красном кушаке, я вижу твои руки под столом... Ну вот, теперь мне ясно, что вы просто шайка грязных оборванцев. Поднимайтесь и выкатывайтесь отсюда! А то мне рядом с вами тесновато. Проваливайте!

Мексиканец со сломанным носом подался вперед, осторожно заводя правую руку за спину. Райли тут же нырнул под стол, сжимая в каждой руке по револьверу. Но Монтана, упершись руками в бока и по-прежнему улыбаясь, спокойно смотрел на мексиканцев.

Парень со сломанным носом медленно встал и размашистым шагом направился к воротам патио. Его фигура четко вырисовывалась на фоне голубого неба и гор, позолоченных клонящимся к закату солнцем. Затем он резко метнулся в сторону и исчез из виду. Вслед за ним, не проронив ни слова, неторопливо последовали остальные.

Райли поднялся с пола.

– Господи, помилуй нас грешных! – выдохнул он.

В сбившемся набок фартуке с криком выбежал официант:

– Куда они делись? А кто заплатит за выпивку?

– Все за мой счет, братец, – успокоил его Монтана.

Он снова уселся на свое место. Райли принялся скручи-

вать новую сигарку.

– Вот видишь, они все зарились на твой скаल्प, – заметил он.

– Да, к югу от реки у меня хватает... хм, друзей.

– И все они могут явиться по твою душу, – предупредил Райли. – Как ты думаешь, сколько понадобится времени, чтобы полдюжины или полсотни этих бродяг однажды ночью переправились через реку и сняли твой скаल्प? А пока они будут заняты этим делом, сколько невинных людей ни за что ни про что поплатятся жизнью, погибнув от свистящих во-круг пуль? Вот чем и обеспокоены в нашем городе. Именно это и просили довести до твоего сведения наши ребята.

– А если я не хочу уезжать?

– Тогда кое-кто намерен устроить праздник в твою честь.

– Ну тогда я задержусь, пока как следует не отдохну, – решил Монтана.

– И долго ты собираешься отдыхать?

– Не знаю... Хотя песня парня с того берега здорово освежила меня. Но пока не могу точно сказать.

– Монтана, почему бы тебе не внять голосу здравого смысла? Неужели ты так и будешь каждый день провозглашать декларацию собственной независимости от всех и вся до конца своей жизни? Ребята не хотят ссориться с тобой. Говорят, лучше иметь дело с сотней ягуаров. Но они обеспокоены.

– Не надо меня подгонять, – потребовал Кид. – Обещаю избавить вас от своей персоны. Однако мне пришлось та-

щить в горы немалый груз, плечи побаливают. Сам знаешь, от плети добрый конь только быстрее устает. К тому же я американский подданный и имею полное право отдохнуть под сенью нашего старого доброго флага.

Райли не смог удержаться от улыбки.

– С тобой трудно договориться, Монтана. Судя по всему, в последний раз ты забрался довольно далеко на юг.

– Почему ты так решил? – удивился Кид.

– Такие золотые шпоры, как у тебя, севернее Мехико не делают. Да и серебряная окантовка полей твоего сомбреро тоже с юга, и голубая шелковая рубашка совсем как у испанского идалго, и пояс на бедрах вышивали, должно быть, лет пять... Кое-кто считает, что пиратам следует прятать награбленное в трюм, а не выставлять на палубе для всеобщего обозрения.

– Не знал, что для красивой одежды можно найти иное применение, кроме как носить ее, – возразил Монтана.

С противоположного берега Рио-Гранде послышались крики. Парень в расшитом блестками кожаном костюме, низко припав к развевающейся гриве лошади, во всю прыть удалялся от того места, где пел. Из-за деревенских домов неожиданно выскочило с полдюжины всадников. Двое из них бросились в погоню за ковбоем, а остальные принялись хлестать лассо и плетями пеонов, составлявших его аудиторию. Лассо так и мелькали в воздухе; плети, словно извивающиеся змеи, наносили удары. Пеоны, будто сухие листья,

подхваченные порывом ветра, разлетелись в разные стороны. Лишь один из них споткнулся и упал, а когда снова вскочил на ноги, был тут же заарканен лассо.

Всадник, захвативший пеона, захлестнул за луку седла сыромятное лассо и погнал коня вскачь, волоча пеона за собой и поднимая облако пыли.

Когда он остановил коня, пеон на конце лассо походил на безжизненный труп.

– Наверно, ты разбил ему голову о камень, – крикнул один из наездников.

– Ну и что с того? – огрызнулся тот, что был с лассо.

Медленным шагом он направил коня обратно; тело пеона безвольно ударялось об ухабы, его руки и ноги нелепо держались.

Монтана Кид поднялся из-за стола и осторожно, будто проснувшаяся кошка, потянулся всем телом, потом снова сел. Его темно-синие глаза посветлели от гнева.

– Жестокие, сволочи, – заметил Райли. – Однако пеоны привыкли к подобному обращению. У них шкура, как у носорога, а кости все равно что из прочной резины. Их можно согнуть, но не так-то просто сломать.

Монтана ничего не сказал. Он принялся тихонько напевать:

До чего ж надоели мне эти рабы
С их дубленой и грубою кожей;

От битья она только крепчает...

Всадниками командовал высокий светловолосый испанец. Его распоряжения были слышны и на этом берегу.

– Приведите его в чувство! Привяжите к дереву и сделайте так, чтобы он очухался.

Повинуясь приказу, пеона привязали к дереву. Его тело безжизненно обвисло, а всадники, проезжая мимо рысью или галопом, принялись хлестать его по спине. У некоторых это получалось очень умело – от их звучных ударов дешевая ситцевая рубаха пеона рвалась в клочья, а кое-кто из них, чтобы придать ударам большую силу, даже привставали в стременах.

– Что это за парень со светлыми усами? – спросил Монтана. – Ты его знаешь?

– Управляющий дона Лерраса в этих местах, – ответил Райли. – Эмилиано Лопес. Поговаривают, что он собирается жениться на Доротее Леррас и получить в приданое половину папашиных миллионов.

– Миллионов? Так он охотится за наследством? – уточнил Монтана.

От нестерпимой боли пеон пришел в себя. Он начал кричать и дергаться. Но потом, словно опомнившись и осознав, где находится и что с ним происходит, закусил губу и замолчал.

Было только слышно, как с того берега реки доносятся

резкие, рассекающие воздух удары бича.

Дон Эмилиано жестом велел всем отойти в сторону. Затем что-то крикнул и, спешившись, подошел к пеону. Отдав свою богато расшитую куртку одному из всадников, он закатал правый рукав рубахи и, выбрав кнут, прикинул на глаз размах. Когда Дон Эмилиано принялся с оттяжкой стегать несчастного по спине, прикрывавшие ее лохмотья рубахи моментально покраснели от крови.

– Совсем озверел, – заметил Райли.

– Собаке собачья смерть, – произнес Кид.

Но тут пеон поднял голову и неожиданно громко запел «Песнь Бича»:

До чего ж надоели мне эти рабы
С их дубленой и грубою кожей;
От битья она только крепчает...

Дон Эмилиано, взревев от ярости, принялся хлестать пеона еще сильнее.

Монтана Кид снова встал.

– Эге! – крикнул он, продолжая наблюдать за происходящим.

Райли пристально посмотрел на него. Немного погодя сказал:

– Похоже, ему это нравится.

На что Монтана задумчиво отозвался:

– А ведь в деревне не меньше сотни пеонов, – и снова, как

кошка, потянулся, уселся на место.

Вечер близился к концу. С другого берега реки по-прежнему доносилось громкое пение истязаемого пеона:

Довольно с меня толстокожих пеонов,
Педро, Хуанов, Хосе и Леонов.
Подайте хозяев с господской террасы,
Диаса, Анхелеса или Лерраса.

Закончив припев, он тяжело обвис. Его безжизненное тело болталось на веревке, которой его привязали за кисти к дереву, и оно больше походило на истерзанный кусок мяса.

Глава 2

В медленных водах Рио-Гранде отражались звезды. Вылетевшая на охоту сова парила над самой кромкой берега в поисках какого-нибудь мелкого грызуна, пришедшего под покровом ночи на водопой. Но ни один человеческий глаз не видел, как Монтана с мустангом переплыл излучину реки и вывел его на берег. Заставив коня лечь под прикрытием обрыва, Кид направился к дереву, под которым истязали пеона. Несчастного так и оставили привязанным. Он уже пришел в себя и теперь стоял, тяжело навалившись на ствол; его ноги дрожали от напряжения. Еще немного, и они, не выдержав усталости, подломятся, тогда он снова безжизненно повиснет на связанных руках и неминуемо умрет.

Монтана остановился позади пеона и услышал, как тот молится:

– Пресвятая Дева, прости мне мои прегрешения. Прости меня, прости Хулио Меркадо. Смилуйся, Пресвятая Дева, прости несчастного Хулио Меркадо. Прости, что пел эту песню. Прости...

– Эй, парень, ты пел хорошую песню. Зачем просить прощения за то, что ты пел ее? – тихо проговорил Кид.

Хулио Меркадо слегка выпрямился:

– Ты человек дона Эмилиано?

– Нет, дружище.

– Ну, тогда я рад, что пел ее. Я должен был ее спеть. Потому что когда я пришел в себя, то услышал, как моя глотка вопит от боли. Поэтому и запел. Мужчинам не подобает скулить, как побитым собакам.

– Я слышал, как ты заскулил, а потом запел. Ты настоящий мужчина, Хулио.

Одним движением охотничьего ножа Монтана перерезал веревку на руках пеона, и тот рухнул на колени, восклицая:

– Зачем вы это сделали, сеньор? Привяжите меня обратно. Если утром обнаружат, что я освободился, меня заперют до смерти, а мою мать выгонят из дома. Во имя Господа, привяжите меня обратно, иначе со мной все кончено!

– Если я оставлю тебя здесь, – возразил Монтана, – то к утру ты будешь и так свободен – даже вопреки их воле. Ты умрешь, Хулио.

– Нет, я веду счет времени. Уже скоро утро.

– Ошибаешься! Ночь только наступила.

– Господи Иисусе! – прошептал Хулио.

– Ложись на землю ничком, – велел ему Монтана.

Пеон послушно лег, и Монтана принялся снимать с него изодранную рубашу. Раны на спине уже успели запечься, и местами к ним присохли клочья материи. Когда Кид осторожно стягивал со спины рубашу, все тело Хулио содрогнулось от боли, но он не издал ни единого звука, а только тяжело задышал, перекатывая во рту распухший язык.

Монтана достал фляжку с разбавленным бренди и, при-

подняв голову пеона, дал ему выпить.

– Вот теперь можно... можно умереть... умереть счастливым. Благослови вас Господь! Благослови вас Господь! Как вас зовут, мой благодетель?

– Я всего лишь гринго, Хулио.

– Каков бы ни был цвет вашей кожи, Господь вложил вам сердце честного мексиканца!

– Лежи спокойно, – приказал Монтана и принялся промывать раны пеона бренди.

– Ай! Ой! Ай! – шепотом запричитал Хулио, когда спирт защищал раны. – Господи Иисусе! Да это же чистый огонь!

– Ну вот, теперь все чисто, – заключил Кид. – Никакой инфекции. Тебе понятно? У тебя не заведется никакой дряни. Гноящихся ран не будет, и мухам здесь поживиться нечем.

Потом он осторожно натер спину пеона мазью.

– Я засыпаю! – пробормотал Хулио. – Боль стихает, и я засыпаю. И буду спать вечно. Ведь на небесах для бедных пеонов не уготовлено ничего, кроме сна. Ну и ладно... довольно и этого... Зато у меня по утрам не будут мерзнуть ноги... Боже милосердный, как этот мороз пробирает до самых костей! А летом меня не будет палить солнце... Будет только сон. Безмятежный райский сон. Сеньор, вы – мой благодетель. Пускай Господь озолотит вас за ваше доброе сердце.

– Вставай! – велел ему Монтана. – Ты можешь встать?

Он взял пеона за подмышки. Меркадо напрягся, и Кид почувствовал, как под его руками вздулись бугры крепких,

твердых, будто дерево, мускулов. Теперь мексиканец стоял перед ним.

– Сейчас прикроем раны от холода и сырости ночного воздуха, – приговаривал Монтана, плотно забинтовывая спину Хулио.

– Эгей! Я сейчас засмеюсь! – восторженно зашептал парень. – Боль почти не чувствуется. В пору хоть танцевать.

– Тут еще осталось немного бренди. Выпей.

Хулио выпил и, не переставая благословлять Монтану, вернул ему пустую фляжку.

– Ну и что ты теперь намерен делать? – спросил тот.

– Заберу старую мать и подамся в горы с такой скоростью, на какую только способен мой мул.

– А ты ничего не забыл тут?

– Только поблагодарить вас, сеньор. Припадаю к вашим ногам...

Кид едва успел подхватить мексиканца, не дав тому пасть на колени.

– Будь мужчиной, Хулио. Я не хочу, чтобы ты целовал мне ноги, как побитая собака. Послушай! Я пришел сюда потому, что слышал, как ты пел «Песнь Бича». А теперь, если ты настоящий мужчина, сам поймешь, какой должок тебе нужно отдать до того, как ты покинешь владения Лерраса.

– Хотите сказать, что я должен убить дону Эмилиано? Сеньор, ему прекрасно известно, как люто ненавидят его пеоны, поэтому он спит под надежной охраной своих людей. А

они еще злее, чем жандармы. Настоящие дьяволы.

– А если я помогу тебе добраться до него?

– Сеньор, вы отважный человек, но двоим нам с ними не справиться, будь вы хоть самим Эль-Кидом.

– Я и есть Эль-Кид!

– Боже милостивый! – хрипло выдавил Хулио. – Вы и вправду он?

– Да.

– Тогда идемте. Я знаю, мексиканские пули вас не берут, а мексиканские руки не способны удержать. Идемте! И если с вашей помощью я доберусь до этого негодяя, то суну ему в рот кляп, привяжу к тому же самому дереву и отделаю не хуже, чем он меня!

Усадьба Лерраса ничем не отличалась от большинства других таких же, принадлежащих здешним богатым семействам. Низкое, приземистое здание раскинуло свои огромные крылья по обе стороны от фасада. Толстые, фута в четыре, стены хранили тепло очагов зимой и предохраняли от жары летом. За главным зданием располагались дворовые постройки, за ними шли загоны, а за загонами – небольшая деревенька из беленых хижин, в которых ютились работавшие на окрестных полях пеоны. Спальня управляющего, Эмилиано Лопеса, находилась в восточном крыле, в огромном помещении, где некогда ночевали еще конкистадоры. На выложенном мозаичной плиткой полу стояла огромная кровать с

балдахином. Очаг в спальне был настолько велик, что в него закладывали целые бревна. Вся мебель, состоявшая из дивана и нескольких кресел, была обита потравленным молью красным бархатом. На потолке угадывались потрескавшиеся и местами осыпавшиеся изображения ангелов, нарисованные поверх штукатурки. Сам дон Эмилиано крепко спал под балдахином, улыбаясь во сне.

Это был молодой и красивый мужчина в самом расцвете сил, которого ждало блестяще будущее – женитьба на Дороте Леррас и ее миллионах. Должно быть, сладкие мечты и вызывали на лице спящего Эмилиано счастливую улыбку; к ним еще примешивались приятные ощущения, оставшиеся у него после истязания пеона.

Надо сказать, что дон Лопес был убежденным сторонником самых крутых мер по отношению к пеонам и держал их в ежовых рукавицах. У него никто не осмеливался бежать. Однажды он целых три недели преследовал двоих беглецов, а когда настиг их, то заперол насмерть, собрав на казнь всех пеонов, чтобы те видели, как вершится правосудие. После этого случая никто больше не пытался скрыться. Пеоны почитали волю управляющего за волю самого Господа, благодаря чему доходы поместья постоянно увеличивались, что не могло не радовать сердце благородного Томаса Лерраса, который с благосклонностью смотрел и на то, чтобы отдать Эмилиано Лопесу руку своей дочери, Доротеи.

Забываясь о личной безопасности и о прочности своей вла-

сти, Эмилиано навербовал себе приспешников, замешенных из такого же крутого теста, что и жандармы. Набирал их по тюрьмам, выпуская на свободу самых отпетых негодяев и убийц, в обмен на клятву не совершать больше ни одного убийства, кроме как по его приказанию. Это были безгранично преданные ему люди. Каждый загубил по меньшей мере по паре душ, каждый владел четырьмя крепкими мустангами, достаточным количеством ружей и револьверов, а также самой красивой, расшитой блестками одеждой. У них было вволю пульке на каждый день, а по выходным – бренди. Дважды в неделю им готовили жареного козленка, и почти все они имели собственный надел земли. Но, несмотря на это, дисциплина поддерживалась на самом высоком уровне, малейшие попытки неповиновения жестоко подавлялись твердой рукой самого управляющего. Строптивца приволакивали к нему, и он лично пускал его в расход.

Четверо из таких удальцов спали в спальне по правую руку от своего господина. Еще четверо похрапывали от него слева. А под распахнутым настежь окном, находившимся довольно высоко от земли, расхаживал взад и вперед девятый страж, сменявшийся дважды за ночь. Таким образом, дон Эмилиано полностью обеспечил охрану собственной персоны и только посмеивался над ненавистью пеонов.

Этой ночью караул под окном нес молодой, сильный парень по имени Хуан Торрес, похотливый повеса, ловкий и быстрый в схватке, как ягуар. Заметив вынырнувшую из тем-

ноты неясную фигуру, направлявшуюся к нему, он быстро вскинул к плечу обрезанный дробовик и приказал незнакомцу остановиться.

Но тот продолжал двигаться прямо на него.

– Давай пошевеливайся! – крикнул приближавшийся. –

Дон Эмилиано немедленно требует тебя к себе.

– Это зачем? – удивился Торрес.

– Из-за девчонки, идиот!

Хуан Торрес растерялся. На ум парню пришло сразу несколько девушек, поскольку ему было что вспоминать. Но какую именно имел в виду управляющий?

Опустив ружье, поинтересовался:

– А ты кто такой?

– Эль-Кид! – ответил Монтана и огрел парня рукояткой револьвера по голове.

Хуан Торрес рухнул как подкошенный. Однако, падая, успел нажать на оба спусковых крючка разом, и заряд прорыл в пыли перед ним глубокую борозду.

Неожиданный выстрел на мгновение привел Кида в замешательство.

Но Хулио Меркадо не стал зря терять время. Метнувшись мимо Монтаны, он подпрыгнул, ухватился за край распахнутого окна и, подтянувшись, влез внутрь. В противоположном углу комнаты дон Эмилиано услышал топот ног своих охранников, бросившихся на улицу, чтобы выяснить причину выстрела. Это были по-своему хорошие, преданными ему пар-

ни, которые не стали бы удирать, едва лишь заслышав звук выстрела.

Эмилиано почти уже встал с кровати, когда увидел силуэт влезавшего в окно человека. И тут же вслед за ним в оконном проеме замаячили голова и плечи второго, более высокого человека, который мягко, будто большая кошка, соскочил с подоконника на пол спальни.

– Дон Эмилиано! – взволнованно воскликнул первый. – Неожиданное нападение. Это бандиты!

– Вот дьявол! – воскликнул управляющий и бросился к окну.

В темноте он не узнал этих двоих, проникших в спальню, чтобы предупредить его об опасности. К тому же слишком торопился оценить обстановку снаружи, и ему было не до подозрений. Надо сказать, что дон Эмилиано давно ожидал разбойного нападения – но только не среди ночи. Это было не по правилам и совсем не по-мексикански. Истинный мексиканец – не важно, разбойник он или нет – дерется днем, а ночью, как и подобает истинному джентльмену, спит. И неуклонно придерживается таких правил. Поэтому управляющий в смятении подскочил к окну, и тут на его голову обрушился удар. Его нанес тот парень, что был выше. Дон Эмилиано рухнул на пол. Тогда ему мгновенно связали руки, в рот сунули кляп.

Он попытался сопротивляться, но быстро обмяк, поскольку не мог дышать ртом и сразу же стал задыхаться. В живот

ему уткнулось что-то твердое, и высокий парень произнес:

– Мы не собираемся убивать тебя, Лопес. Веди себя благоразумно и доверься своему покорному слуге.

В манере этого парня говорить было нечто такое, что у Лопеса моментально пропала всякая охота к сопротивлению.

Его отвели в комнату, находившуюся справа от спальни. За окном слышались голоса его верных и преданных стражей:

– Хуан Торрес! Хуан Торрес! Что случилось? Очнись... Господи помилуй. Да он, кажись, мертв!

– Надеюсь, что нет, – пробормотал стоявший рядом с дном Эмилиано высокий человек. – Я не собирался проламывать ему череп... Хулио, возьми оружие! Много не бери – хватит пары патронташей, ружья или двух, да парочки револьверов.

Хулио не мешкая нагрузился самым современным оружием, которым дон Эмилиано всегда заботливо снабжал своих личных «стражей порядка». Перекинув через левое плечо четыре патронташа с патронами для ружей и револьверов, он повел Лопеса и высокого парня по коридору, который заканчивался выходом во двор. По всему дому слышалось шлепанье босых ног, но, к удивлению дона Эмилиано, рядом с ними так никто и не появился.

Они остановились на улице под ночными звездами. Вблизи не было слышно ни звука; лишь с дальнего конца большого дома доносился гул голосов.

– Хулио, нам нужны лошади, и хорошие, – сказал высокий. – Где тут конюшни? Где конюшни с лошадьми Эмилиано?

Поселившийся в сердце управляющего страх сменился ужасом. Ужас был сильнее страха, ведь то, что эти двое посмели поднять руку на человека аристократического происхождения, уже само по себе являлось немалым святотатством; но еще большим святотатством в глазах Лопеса было то, что они проникли в крыло конюшни, где содержались самые породистые лошади. На самом деле эти красавцы принадлежали не ему, а самому дону Томасу!

Глава 3

– Зажги лампу, – велел высокий.

Хулио отыскал лампу, но перед тем, как зажечь, попытался возразить:

– Но ведь он увидит наши лица, сеньор...

– А ты что, не хочешь, чтобы он знал, кто с ним так поступил? – отозвался высокий. – Пусть поглядит на тебя, Хулио.

А что касается меня, то я в маске.

– А если кто-нибудь из слуг заметит свет?

– Придется рискнуть. В жизни без риска не обойтись, Хулио. Зажги лампу.

Язычок пламени лизнул фитиль. Скрипнув ржавыми петлями, захлопнулась дверца фонаря. Огонь усилился, затем пару раз мигнул и наконец занялся ровным голубоватым пламенем. Теперь Эмилиано мог видеть лицо Хулио Меркадо. Сердце управляющего болезненно сжалось, ему показалось, что он все еще чувствует в своей ладони рукоять бича. Лопес был уверен, что ему конец. Правда, у этих хладнокровных негодяев нет времени на долгую пытку, но он не сомневался, что смерть его будет ужасной.

Однако, несмотря на неутешительные мысли, у дона Эмилиано хватало выдержки и душевных сил, чтобы испытывать одновременно с гневом и презрением жгучий стыд – особенно когда он увидел, как эти двое приглядываются к простор-

ным стойлам лошадей дона Томаса. Эти кони годились даже под королевское седло, и никому в усадьбе, за исключением дона Эмилиано, не позволялось ездить на них во время длительного отсутствия их владельца.

– Ну-ка, скажи, какие из них здесь самые лучшие? – поинтересовался высокий человек в маске.

– Вот эта кобыла, – посоветовал Хулио. – Только гляньте, до чего она красива: голова как у оленя, а глаза... Я видел, она летела как ветер. Берите ее, сеньор, а я возьму мустанга из загона...

– Нет, эту гнедую ты возьми себе, Хулио. Мне она не больно приглянулась, – отказался высокий.

Когда Лопес услышал первые слова Хулио, его сердце забилось, словно птица в клетке. Нужно отдать ему должное – даже в момент личной опасности он был способен испытывать душевные муки оттого, что породистое, племенное животное окажется в руках бандитов. А когда высокий отказался от гнедой, его сердце снова болезненно сжалось. Но к счастью, ни Хулио, ни этот высокий парень не могли догадаться о величайшем секрете.

– Тут есть кое-что получше, – произнес высокий, заглянув в соседнее стойло.

Там стоял крупный серый мерин, который мог бы нести на себе двести фунтов веса и целый день без передышки скакать горными тропами. Конь стоил очень дорого, но от мысли, что грабители заберут только этих двух лошадей, сердце

Эмилиано немного успокоилось.

– Да, – заявил высокий, – этот конь сгодился бы для меня.

– Тогда, Христа ради, забирайте его, и дело с концом! – взмолился Хулио. – Вы слышите? Они приближаются!

Он показал рукой в сторону, откуда с вершины холма, на котором раскинулось поместье, доносился шум голосов.

– Ничего, успеем, – отозвался высокий.

За маской Лопес разглядел широко расставленные, блестящие голубые глаза. Он также обратил внимание на мощные плечи, длинные руки и крепкую мускулатуру бедер. От глаз дона Эмилиано не ускользнул даже богато вышитый красный пояс, обхватывающий бедра незнакомца. Он исполнился уверенностью, что перед ним находится не простой разбойник, а человек, обладающий немалой властью среди мексиканских бандитов.

– Раз уж мы очутились у горнила рога изобилия, то не следует торопиться, – продолжал высокий. – Дай-ка я еще посмотрю... – И, взяв фонарь, он принялся осматривать лошадей, не переставая комментировать: – Мне нравится этот римский профиль. А вот у этого тяжеловат круп. Ну-ка, посмотрим на этого еще разок... У него жидковата холка... в коленях слабоват... Этот тоже... Нет, для гор не годится... Постой-ка! Вот это да! Ну-ка, поглядим на него еще! Ты знаешь этого жеребца, Хулио?

У дона Эмилиано сердце ушло в пятки – ведь это был всем коням конь.

– Видал я его, сеньор... Этого коня привели совсем недавно. Ничего особенного. Слишком крупные ноги и грудь чересчур узка. А задние ноги... Мослы, того и гляди, прорвут шкуру.

– Тут ты прав, – кивнул высокий. – Это не конь – это лезвие шпаги. В нем чувствуется какая-то скрытая мощь, которая мне и нужна. Глаз у него кровавый... Злой дьявол, а?

– Он чуть не угробил двоих конюхов, сеньор.

– Ну, он и не предназначен для их рук. Такой конь создан именно для меня, – горделиво заключил высокий.

– Тогда побыстрей, сеньор! Да простит мне Господь, что я позволяю вам взять такую захудалую лошадь! Они уже совсем близко!

– Еще есть время. Раз у нас такие кони, то им за нами не угнаться. Вот это седло для тебя, а это мне... Эге! Ты надуваешь живот, чтобы обмануть меня, а потом сбросить, да? Как зовут этого узкогрудого дьявола, Хулио?

– Эль-Капитан, сеньор, – прохрипел, старательно затягивая тугую подпругу, Хулио.

– Эль-Капитан? – упираясь коленом в ребра гнедого и выжидая подходящего момента, переспросил высокий. – Не так давно был один знаменитый скакун по кличке Капитан... А этот... – Тут он резко дернул подпругу. Захваченный врасплох Эль-Капитан злобно забил копытами и высоко выгнул свою уродливую змеиную голову. Высокий шлепнул его по носу и засмеялся: – Погоди, дружище, ты скоро привыкнешь

ко мне. А теперь отведем нашего приятеля к дереву для бичевания.

Дона Эмилиано вновь вывели под ночное небо. Высокий поднял ладонь к глазам, всматриваясь в основание холма. По всему берегу Рио-Гранде сновали люди с фонарями и факелами.

– Так, этот путь для нас закрыт, – решил высокий. – Видимо, придется задержаться на этом берегу Рио-Гранде на пару дней. Но главное, мы теперь не сможем отвести дона Эмилиано к тому дереву. Ну и дьявол с ним! Тем более, что тут тоже есть дерево, которое вполне годится для наших целей. Привязывай его! Ну как, порядок?

Дон Эмилиано не успел и глазом моргнуть, как обнаружил, что его кисти прикрутили к стволу дерева. От ярости и унижения у него все поплыло перед глазами. А там, у реки, бегало столько людей, столько придурков – его верных телохранителей, в которых он вложил так много денег, на которых потратил столько сил, отбирая среди сотен самых отпетых преступников! И вот этих псов подвел нюх. Они бросились по ложному следу... Эх, хоть бы парочку их сюда! Но охрана была далеко и пользы от нее было не больше, чем от звезд в небе.

Лопес услышал, как высокий разбойник произнес:

– Его ночная рубаха не толще, чем та, что была на тебе вечером. Вот кнут, а вот его спина, Хулио. Не стесняйся.

На что Меркадо ответил:

– Если бы только мой отец и дед – царство им небесное! – могли видеть меня сейчас! Да пребудут они со мной в этом праведном деле! Получай, гад! Получай! Получай!

На спину Эмилиано посыпались жгучие, хлесткие удары, но он почти не чувствовал их. Лопес стоял очень прямо, его голова горела как в огне. Только подумать – кнут, кнут полосовал его тело! С ним обходились как с паршивым псом! Ему казалось, что истязают не его тело, а саму душу.

– Хорошо! – одобрил высокий. – Здорово у тебя получается, Хулио. Подожди, я выну у него изо рта кляп – пускай немного повоет. – И он выдернул кляп.

– Если он закричит, то они прибегут сюда! – забеспокоился Меркадо.

– С такими лошадьми, как у нас, мы вне опасности. И потом, что за праздник без музыки? Я хочу слышать его стоны.

И снова на спину донна Эмилиано посыпался град хлестких ударов. Он чувствовал, как потекла теплая кровь, как все тело пронзила невыносимая боль. Но она так и не достигла его мозга. Поселившийся там стыд был столь велик, что для других чувств просто не оставалось места.

– Постой! – остановил высокий.

На мгновение бичевание прекратилось.

Высокий подошел вплотную к дону Эмилиано и заглянул ему в глаза:

– Хоть он и с трудом дышит, а мужества ему не занимать, Хулио.

– Позвольте мне прикончить его, – воскликнул Меркадо. – Я вижу его кровь. Выпустить из него кровь – все равно что убить! Дайте мне разделаться с ним!

– погоди! – приказал высокий. – Вы слышите меня, дон Эмилиано?

Лопес промолчал.

– От вас самих зависит – жить вам или умереть, – продолжал высокий. – Вы слышите меня?

– Слышу, – сдавленным голосом ответил Эмилиано.

– Слишком вы мужественный человек, чтобы умирать под кнутом. Перед тем как свести счеты с жизнью, у вас в руках должно быть оружие. А если я дам вам такой шанс? Нет, сейчас ваши руки будут дрожать. Тогда слушайте. Хулио Меркадо, удар за ударом, выбил из вас часть гордыни и доказал, что пеон тоже человек. Он покидает вас и переходит на службу ко мне. А здесь остается его мать, старая добрая женщина. Естественно, вы будете испытывать искушение отыграть на ней за сына. Так вот, Лопес, вы должны поклясться всеми святыми, что не тронете ее и отпустите, не чиня никаких препятствий. Клянетесь?

Дон Эмилиано с трудом ворочал языком. Но душила его не боль, а гнев.

– Клянусь.

– Именем своего святого – Сан-Эмилиано – и кровью Господней... Клянетесь?

– Клянусь.

– Повторите клятву полностью.

– Именем Сан-Эмилиано и кровью Господней клянусь...

– Продолжайте!

– Что я не причиню вреда матери Хулио Меркадо.

– Достаточно. А от себя добавлю следующее: если вы, Лопес, нарушите клятву, то обещаю, что достану вас даже из ада и перережу глотку. Вы меня слышите?

Дон Эмилиано молчал.

– Слышишь ты меня, кровосос?! – процедил сквозь зубы высокий бандит.

– Слышу, – ответил Лопес. – И надеюсь, что наступит время, когда я смогу снова увидеть и услышать тебя – но только со свободными руками!

– Ваши слова достойны мужчины, – усмехнулся высокий. – Пошли, Хулио! Впереди у нас долгий путь. Наемникам дона Эмилиано доставит огромное удовольствие освободить своего господина. А чтобы они не нашли его до утра, сунь ему обратно кляп. Пусть запомнит эти несколько часов. Прощайте, дон Эмилиано!

Глава 4

Новостям из Мексики, если они только не имеют отношения к месторождениям нефти или серебра и не связаны с очередной надвигающейся революцией, американская пресса уделяет крайне мало внимания, даже в ближайших к соседней стране юго-западных районах. Однако по какой-то неведомой причине происшествие в поместье Лерраса возбуждало любопытство репортеров. Вот почему юный Ричард Лэвери-младший, склонив голову над газетной страницей и насупив брови, сосредоточенно читал:

«Выпоролли пеона... Ночью его освободил какой-то неизвестный, возможно, американец, в совершенстве владеющий мексиканским... Управляющий поместьем похищен среди ночи из собственной постели... Один из его телохранителей оглушен сильным ударом по голове, сейчас он находится в тяжелом состоянии и не может припомнить ничего из происшедшего... Украдены самые лучшие лошади Лерраса... Эмилиано Лопеса привязали к дереву и выпоролли кнутом так же, как он перед этим пеона... Пеон скрылся... Вдоль побережья выставлена надежная охрана, чтобы воспрепятствовать попыткам пеона и его освободителя перебраться на американскую территорию...»

Ричард Лэвери вскинул голову, в его голубых ирландских глазах неожиданно вспыхнул огонь, и он воскликнул:

– Это Монтана! Это точно Монтана! Никто больше не отважился бы на такое! Теперь он двинется на юг, к Рубрису!

Он подошел к окну и окинул взглядом бескрайние природные террасы ранчо своего отца, на которых паслись многочисленные стада. По сути дела, это было не ранчо, а настоящее королевство, наследным принцем которого являлся он, Дик Лэвери. Но когда поднял голову, его глаза затуманились при воспоминании о походных кострах, небритых, отважных мужчинах, сидящих на корточках вокруг огня, о переборе гитарных струн и о голосах, поющих балладу.

Какое-то смутное беспокойство повлекло Ричарда прочь из дома в сторону конюшен и выгона, где паслись его собственные кони – будто выкованные из стали и бронзы скакуны с орлиными глазами. Он зашел в конюшню и снял со стены лассо.

Бенито Халиска, приземистый кривоногий жандарм, отмеченный, словно бульдог, боевыми шрамами, слушал эту историю во время полуденного привала наряда сельской жандармерии. Из всего этого сброда закоренелых преступников, которым дали шанс начать новую жизнь на службе закону, он считался самым отважным. Слушая историю, Бенито Халиска поедал бобы с тортилой⁵. Покончив с ними, глотнул кислого красного вина, затем поднялся, оседлал коня и, осмотрев ружье, вскочил в седло.

⁵ Тортилла – плоская маисовая лепешка.

– В чем дело, Халиска? – окликнул его лейтенант. – Куда это ты собрался?

Махнув в сторону рассказчика, Бенито Халиска крикнул:

– Это Эль-Кид! – и, натягивая поводья, развернул лошадь.

Лейтенант, увидев, как Халиска поскакал прочь, и будучи человеком вспыльчивым, смачно выругался. Затем уже было потянулся за оружием, но один из жандармов удержал его руку:

– Вам не остановить Халиску! Однажды он уже напал на след Монтаны, после чего у него осталось два шрама. Для него встреча с Эль-Кидом дороже встречи с самим ангелом небесным – даже если она будет стоить ему жизни!

Лейтенант прикусил ус и нахмурился. Потом, словно отпуская Халиску на все четыре стороны, махнул рукой.

Брат Паскуаль, оставив в сторону тяжелый дорожный посох, накладывал шину на сломанную овечью ногу, когда из пастушьей хижины выбежал сын овчара и поведал ему о случившемся. Подняв выбритый, загоревший до черноты череп, монах задумался над услышанным.

– Какой еще гринго способен освободить пеона? – пробормотал он.

Так он продолжал что-то говорить себе под нос, пока не закончил возиться с шиной. Затем легко поднялся с колен и, вновь взяв огромный посох, который для любого другого, но только не для такого гиганта, как он, служил бы скорее

грузом, чем опорой, зычно возвестил:

– Эль-Кид! Эль-Кид вернулся! – и, заткнув развевающиеся полы рясы за грубый веревочный пояс, зашагал в сторону гор.

В этот день, закончив благотворительный обход беднейших кварталов города, который всякий раз страшно утомлял его, епископ обедал не у себя во дворце, а в небольшом заведении, в которое часто заглядывали погонщики мулов. У него уже вошло в привычку заходить в этот маленький ресторанчик, чтобы подкрепиться черной фасолью с ржаным хлебом. Погонщики мулов недолго испытывали перед епископом благоговейный страх, поскольку быстро распознали в нем доброго человека, истинного покровителя всех страждущих и обездоленных. Затем они и вовсе забыли о его присутствии, так как изнуренное лицо старца с отрешенным взглядом казалось им сошедшим со стен церковных фресок, а не принадлежащим обыкновенному смертному. Таким образом епископу и удалось услышать всю историю. Легкая тень мирской озабоченности промелькнула на его лице. Воздев к небу добрые глаза и чему-то улыбаясь, епископ прошептал:

– Эль-Кид!

Танцовщица Розита, слегка запыхавшаяся после танца, уселась, вызываяще скрестив ноги. Не выпуская изо рта розу, она через силу улыбалась. Юные кабальеро, наблюдавшие

за нею издалека, поспешно бросились к танцовщице, но, разглядев за розой и улыбкой опасный огонек в глазах девушки, умерили свой пыл.

Дьявольский этот огонек вспыхнул в глазах красавицы от услышанного ею рассказа, сопровождаемого восторженными восклицаниями: гринго... запоротый пеон... бандитский налет на поместье великого дона Лерраса... благородный дон Эмилиано избит бичом... и кто только осмелился на такое?

Розита вскочила на подоконник, спрыгнула вниз, на улицу, и бросилась бежать. Заметивший ее жандарм поначалу решил, что она пьяна, потому что девушка бежала пританцовывая, откинув назад голову. Но когда она приблизилась, он увидел, что она заливается звонким смехом, нараспев выкрикивая:

– Эль-Кид! Эль-Кид!

Матео Рубрис, в сдвинутой на затылок красной шапочке, с закатанными выше локтей рукавами, сидел за большим дубовым столом. Перед ним лежала целая баранья нога. Острым как бритва охотничьим ножом он резал мясо на куски, отправляя их в свою здоровенную пасть и запивая вином из украшенного драгоценными камнями кубка великолепной работы. Но большую часть баранины Рубрис бросал через плечо собакам, на лету подхватывавшим лакомство. История, которую он только что выслушал, лишила его аппетита.

Ее поведал ему высокий юноша с окровавленной повязкой на голове. Из-за пулевого ранения в щеку парень говорил не слишком внятно, при этом в уголках его губ то и дело вздувались и лопались пузырьки кровавой пены. В схватке уцелел лишь он один, двоих его товарищей убили. По его словам, бандитов ждали и устроили засаду – они даже не успели пустить в ход оружие.

– Так-так! – приговаривал Рубрис. – Если бы вы трое двигались бесшумно... Так ведь нет же. Мне понятно, как все произошло. Вы топали, как лошади. Оставалось только заржать, чтобы всем стало ясно, что у вас четыре копыта и вы опасны разве что для мебели. Прочь с моих глаз! Я привык иметь дело с мужчинами, а теперь вокруг меня одни лишь дураки да бестолковые сосунки. Мне осталось только...

В этот момент в сгущающихся вечерних сумерках за стенами горной хижины, в которой располагался штаб Рубриса, раздался дружный крик.

Рев не прекращался, ему вторила ружейная пальба. Рубрис вскочил на ноги и, сурово сдвинув брови, осмотрелся по сторонам. Вдруг повар, помешивавший среди клубов пара и дыма какое-то варево в огромном котле, подпрыгнул на месте, взмахнул гигантским половником и заорал:

– Эль-Кид!

В следующий момент вопящая толпа внесла в комнату Монтану Кида. За ним следовал Хулио Меркадо.

Матео Рубрис издал оглушительный рев и прыгнул впе-

ред. Будучи ниже среднего роста, кривоногий, он походил на бульдога. Схватив Монтану за локти, Рубрис поднял его над головой, немного пронес и водрузил на стол в центре комнаты. Затем, наполнив из огромного кожаного бурдюка кубок, из которого только что пил сам, поднес его Киду.

– Выпьем... Выпьем!.. Выпьем с тобой, дружище! – воскликнул Рубрис, поднося к губам горлышко бурдюка.

– Выпьем! Выпьем! – закричали остальные.

Каждый поспешил налить себе вина во все, что подвернулось под руку, – в оловянную кружку, стакан, чашку. Выкрики не смолкали:

– Выпьем за Эль-Кида! Выпьем!

– А как быть с моим другом? – воскликнул Монтана. – Он тоже пьет с нами? Считаешь ли ты его одним из нас? Представляю тебе Хулио Меркадо, пеона, всю свою жизнь гнувшего спину на знатных и богатых господ, которого чуть не заporоли насмерть кнутами. Вот он перед тобой. Примете ли вы его в свои ряды?

Рубрис опустил бурдюк. Немного вина выплеснулось ему на губы, и теперь с подбородка капало. Он отер его тыльной стороной ладони.

– А ну-ка, подайте его сюда! – велел Рубрис.

Хулио Меркадо подтолкнули вперед. Лево́й рукой Рубрис ухватил пеона за грудки и, глядя ему прямо в глаза, спросил:

– Что будет с тобой, если ты вернешься?

– Меня заporют до смерти, – будучи сильно напуганным,

ответил он первое, что пришло на ум, то есть правду.

– Могут ли жандармы стать твоими друзьями? – продолжал допытываться Рубрис.

Меркадо глянул на Монтану и со вздохом ответил:

– Нет, сеньор.

– Скажи, кто я такой?

– Матео Рубрис.

– А что ты знаешь обо мне?

– Что вы суший дьявол, сеньор.

Ответ Хулио вызвал всеобщий одобрителный смех.

– Отваги ему не занимать, – громко заметил Монтана.

Меркадо повернул к нему позеленевшее от страха лицо и попытался улыбнуться.

– Хочешь быть одним из нас? – набросился на него Рубрис.

– Сеньор, меня к вам привел мой господин.

– Дурак набитый! – взревел Рубрис. – В моей банде нет других господ, кроме меня.

– Тогда я не смогу стать одним из вас, – промолвил Хулио. – Я нашел себе господина и ни за что не изменю ему.

Снова раздался общий крик, но пеон так и не смог разобрать – ярости или одобрения. Подняв голову, он глубоко вздохнул, а Рубрис заорал на него:

– Ты искал нашу банду, выведал наши секреты, а теперь говоришь, что не хочешь быть одним из нас?

– Я не покину моего хозяина! – пролепетал бедный Хулио.

Рубрис выхватил огромный нож и взмахнул им перед носом Меркадо:

– Не покинешь?

Хулио закрыл глаза и в отчаянии воскликнул:

– Нет! Я не оставлю его, сеньор. Господин мой, помогите!

Но к его разочарованию, Эль-Кид не промолвил ни слова.

Тогда Меркадо предпринял отчаянную попытку вырваться, однако мощные руки быстро уgomонили его.

Снова перед его глазами мелькнул нож, и несчастный Хулио уже приготовился к смерти. Потом почувствовал, как лезвие полоснуло по его предплечью, из пореза закапала теплая кровь.

– Господи! Прими мою душу! – еле слышно пробормотал Меркадо.

Кто-то дотронулся до его руки, на этот раз уже не ножом.

Открыв глаза, Хулио увидел, как все эти люди с отчаянными лицами один за другим подходят к нему. Они поочередно смачивали пальцы его кровью и – о ужас! – слизывали ее с них.

Он услышал крик Матео Рубриса:

– Стала ли его кровь нашей кровью?

– Да! – отозвался хор голосов.

– Стал ли он одним из нас?

– Да! – снова прокричали вокруг.

– Навсегда?

– Навсегда! – дружно проревели бандиты.

Мощная рука опять схватила Хулио Меркадо, и он увидел улыбающееся лицо Рубриса.

– Ну ты, дуралей! Известно ли тебе, что Эль-Кид здесь такой же господин, как и я? Ну а теперь, друг, твои враги – наши враги, твои друзья – наши друзья. И постарайся не показывать перед нами слабости! Давай выпей! Эй! Где вино? Налейте ему! Все пьют до дна! За Эль-Кида и его друга! Теперь они с нами!

Глава 5

Очаровательная блондинка с прекрасными голубыми глазами, сеньорита Доротея Леррас была столь хороша собой, что никто бы не принял ее за мексиканку даже в Париже, несмотря на величину ее бриллиантов и длину жемчужных ожерелий. Доротея обладала не только красивым лицом, но и необыкновенно стройной фигурой, которой в античные времена позавидовала бы любая гречанка. Единственное, что могло показаться странным в ее облике, так это привычка, внезапно перестав улыбаться, пристально смотреть мужчинам прямо в глаза. Некоторые не выдерживали и секунды такого испытующего взгляда. Но высокий красавец дон Эмилиано Лопес не принадлежал к их числу и поэтому пользовался особой благосклонностью красавицы.

Дон Томас Леррас, владелец обширнейших и богатейших земель, бесчисленных голов скота и миллионов песо, не колеблясь, принимал дону Эмилиано за будущего зятя. Он всегда побаивался, что его прекрасная дочь может польститься на какой-нибудь иностранный звучный титул, тогда как ему, как любому истинному мексиканцу, доподлинно было известно, что нет такого иностранного титула, которой мог бы сравниться по знатности и благородству со старинной кастильской кровью родов, с незапамятных времен обосновавшихся в Мексике. А у Лопеса, как и у самого Лерраса, кровь

была чистой и древней, истинно мексиканской.

Томас Леррас сидел у окна и смотрел на патио, где на столбе для бичеваний безжизненно обвис привязанный за подмышки пеон. Колени истязаемого касались земли, тело слегка раскачивалось из стороны в сторону.

Белый надсмотрщик, опустившись рядом с ним, приложил ухо к спине несчастного.

– Сколько еще ждать, пока его снова можно будет пороть? – спросил дон Томас.

Надсмотрщик поднялся и низко поклонился господину:

– Он больше уже не встанет, сеньор. Этот человек мертв.

– Мертв? – переспросила сеньорита Доротея. – Неужели мертв? – Подойдя поближе к окну, она широко распахнула голубые глаза и, с удивлением глядя на окровавленную спину пеона, произнесла: – Кто же мог подумать, что это произойдет так скоро?

Кровь больше не сочилась, и Доротея вспомнила, что в детективных романах пишут, будто бы после того, как человек умирает, кровь перестает течь. Теперь перед ее глазами было наглядное подтверждение прочитанному. А она еще со школы помнила, что ничто так хорошо не усваивается, как знания, подкрепленные визуальным примером. Надо же, как иногда подтверждается справедливость школьных уроков!

Дон Томас высоко вскинул голову, и острый клинышек его седой бороды выдвинулся вперед, словно серебристый наконечник копья.

– Да, старой, доброй породы уже не осталось, – с сожалением проговорил он. – В прежние времена такое количество ударов только развязало бы пеону язык. А теперь он умирает, чем вводит меня в убыток. В наши дни трудно быть экономным. Верно, Эмилиано?

Дон Эмилиано поклонился в ответ. Он гордился своим происхождением и слыл отважным молодым человеком, но, как и все остальные на белом свете, здорово побаивался главы семейства Леррасов. При всем при том он почитал дону Томаса за идеал, которому, женившись на его дочери Доротее и получив приданое, намеревался в точности следовать.

Вошел белый надсмотрщик и поклонился дону Томасу.

Отчетливо выговаривая слова, Леррас произнес:

– Отвяжите его и похороните. Он так ни в чем и не признался?

– Нет, сеньор.

– Однако был лучшим другом Хулио Меркадо и должен был знать о преступных замыслах, вынашиваемых этим негодяем. Но так ничего и не сказал?

– Он все время божился, что ему нечего сказать, – пояснил надсмотрщик.

– Ну тогда ответственность за его смерть лежит на его упрямом языке, а не на моей совести, – решил дон Томас. – Уберите труп.

Он отвернулся от надсмотрщика, который так и застыл согнувшись. Сеньорита Доротея, по-прежнему стоявшая у ок-

на, наблюдала за тем, как убирали тело пеона. Голова его безжизненно склонилась набок, ноги были нелепо раскинуты в стороны. Она слегка улыбалась невинной улыбкой, чувствуя себя совсем юной и неискушенной оттого, что в этом мире ей еще многое предстоит узнать.

Дон Томас поглаживал худые, загорелые щеки, заканчивая каждое движение любовным прикосновением к седой эспаньолке.

– Что ты хотел сказать? – спросил он надсмотрщика. – Ты знал Хулио Меркадо?

– Боже упаси, сеньор, – ужаснулся тот. – Упаси Господь от знакомства с таким негодяем... чтобы я видел его лицо или знал его... Боже упаси от такого знакомства. – И он принялся кланяться, пятясь задом из комнаты.

– погоди минутку, – остановил его дон Томас. – Что ты хотел?

– Да так, сеньор, ничего особенного. Только хотел сказать, что к нам пожаловал жандарм. Просит позволения переговорить с вашим превосходительством.

– Я не ваше превосходительство, дурак.

– Как будет угодно вашему превосходительству.

– В другой раз не обращай ко мне «ваше превосходительство».

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

Однако дон Томас не рассердился, а наоборот – улыбнулся.

– Надо же, какие дураки! – пробормотал он. – То, что усвоено за несколько веков, невозможно выбить всего лишь одним поколением нового режима... Ладно, мальчик мой, приведи сюда этого жандарма, будь добр.

На самом деле сельская жандармерия, являясь отборными полицейскими силами Мексики, имела право свободного входа куда угодно и когда угодно. И то, что они были свирепы, как псы для травли, а также то, что на них лежала вина за множество кровавых преступлений, ничуть не умаляло, а только усиливало их авторитет. Дон Томас относился к ним как к национальному институту власти, и ему, добропорядочному мексиканцу, полагалось гордиться ими.

Надсмотрщик тут же вернулся в сопровождении кривоногого, приземистого жандарма с исполосованным шрамами лицом. Кривоногий поклонился всем присутствующим, потом, сделав несколько шагов в сторону дона Томаса, отвесил ему отдельный поклон. Не все жандармы так хорошо воспитаны, и Леррас едва не расплылся в улыбке от удовольствия.

– С чем пожаловали?

– Сеньор, – сказал жандарм, – мне нужно поговорить только с вами, наедине.

– Вы и говорите только со мною, – отозвался дон Томас. А когда жандарм бросил взгляд в сторону дона Эмилиано и Доротеи, добавил: – Остальные – члены моей семьи или вскоре ими станут.

Тем временем надсмотрщик уже исчез.

Жандарм замешкался, несколько секунд не спуская глаз с дона Эмилиано и Доротеи Леррас. Наконец, собравшись, представился:

– Меня зовут Бенито Халиска, я сержант сельской жандармерии.

– Я разглядел ваши знаки различия, – дружелюбно произнес дон Томас.

– Моя задача, – начал Халиска, – заключается в том, чтобы выследить одного грабителя-гринго, наемного стрелка, убийцу и вора, известного в нашей стране под кличкой Эль-Кид.

– Слышал об этом американском отряде, – кивнул дон Томас. – Но что привело вас именно сюда?

– То, что он недавно побывал здесь, – напрямую объяснил жандарм.

– И кто же его видел?

– Дон Эмилиано. – Жандарм поклонился Лопесу.

– Ты что несешь, идиот? – разозлился дон Эмилиано.

Слегка вздернув голову, Халиска несколько недружелюбно посмотрел на него.

Доротея тоже глянула на жениха и улыбнулась. Ей нравилось, что человек, которому она собиралась доверить свое сердце, мог отпустить крепкое словцо. Ничто так не радует женщину, как сознание того, что ее возлюбленный – настоящий мужчина.

– Я говорю, – медленно начал жандарм, – о той ночи, ко-

торуую дон Эмилиано наверняка не забыл. – Халиска выразался прямо, но, как истинный мексиканец, все же проявил некоторую дипломатичность. – О той самой ночи, когда были украдены лошади сеньора Лерраса, – добавил он.

И хотя дон Эмилиано не носил кинжала, его рука непроизвольно потянулась к поясу. Несмотря на то что его волосы были почти такими же светлыми, как у Доротеи, он был настоящим мексиканцем.

– На что ты намекаешь, пес? – грозно выкрикнул он.

– Успокойся, Эмилиано, – обратился к нему дон Томас.

Лопес, подавив гнев, с тревогой посмотрел на даму сердца.

Доротея повернула к нему очаровательное личико и улыбнулась. Трудно было сказать, догадалась ли она, что ее жених оказался совершенно беспомощным в руках бандитов, или сама мысль о страданиях – даже если они выпали на долю возлюбленного – доставляла ей удовольствие.

Дон Эмилиано пожал плечами, но тут же пожалел о своей забывчивости – спину еще сильно саднило.

А жандарм между тем продолжал:

– Бандит, который побывал здесь, и есть тот самый гринго по прозвищу Эль-Кид.

– Не может быть! – воскликнул дон Томас.

– Это точно был он, – настаивал жандарм.

– Откуда вам это известно?

С трудом сдерживая гнев, дон Эмилиано шагнул вперед.

– Мне это известно, сеньор, – заявил жандарм, – потому, что я уже давно охочусь за ним.

– И как давно?

– С тех самых пор, как у меня появилось вот это. – Жандарм коснулся пальцами двух белых рубцов на лице, походивших на заглавные буквы.

– Все это прекрасно, – промолвил дон Томас, – но бездоказательно.

– То, что проделал этот гринго, не под силу никому другому.

– Объясните, – потребовал Леррас.

– Сеньор, вам будет не слишком приятно это слышать.

– Тем не менее я хочу знать все.

Жандарм покосился на дона Эмилиано, потом спросил:

– Сколько стоит жизнь пеона?

– Несколько песо. А что?

– Тогда судите сами, сеньор, что это должен быть за человек, чтобы подвергать себя смертельной опасности из-за какого-то пеона – пусть даже запоротого чуть ли не до смерти?

– Это верно, – согласился дон Томас, принимаясь снова поглаживать острую седую бородку.

– После того как Хулио Меркадо высекли, но он еще был жив, этот гринго переправился через реку, нелегально проник на территорию Мексики и... – Халиска запнулся.

– Продолжай! – сквозь зубы процедил дон Эмилиано.

– Спасибо, Эмилиано, – ласково поблагодарила его Доро-

тея.

– Ну так вот, – продолжал жандарм, – хоть вы и сами знаете всю историю, я еще раз перескажу ее. Он освободил пеона. Потом вместе с ним пробрался к охраняемому дому и спальне дона Эмилиано. Там оглушил охранника под окном – бедный парень все еще находится между жизнью и смертью. Затем похитил дона Эмилиано, чем подверг его жизнь смертельной опасности. Потом не спеша выбрал лучших лошадей вашего превосходительства, а перед тем как удрать, едва не расправился с доном Эмилиано.

– Это правда, – произнесла Доротея.

Дон Эмилиано ожег невесту взглядом, но увидел, что она ему улыбается.

– И все же, – настаивал дон Томас, – разве это доказывает, что преступником был именно Эль-Кид?

– Он из тех, кто совершает бескорыстные поступки, – пояснил жандарм.

– Ну, на это способен не только он, – улыбаясь, возразил Леррас.

– Сеньор, он смог разбудить в пеоне чувство собственного достоинства – и не просто в пеоне, а в запоротом почти до смерти!

– Что правда, то правда. Но это мог сделать и кто-нибудь другой.

– Сеньор, – продолжал гнуть свое жандарм, – но ведь под конец он, подвергая свою жизнь опасности, зная, что его

разыскивает толпа вооруженных людей, и не подумал поторопиться, выбирая самого лучшего коня из ваших конюшен!

– Ах! – воскликнула Доротея.

– Успокойся! – одернул ее отец.

– Сеньор жандарм, – обратилась к Халиске девушка, – скажите, а этот человек, Эль-Кид, он действительно так хорошо разбирается в лошадях?

– Сеньорита, он отлично разбирается в двух вещах: лошадях и... – Зажав рот рукой, жандарм оборвал себя и виновато посмотрел на дону Томаса.

– Так в чем же еще? – настаивала Доротея.

– Извините, сеньорита, – произнес жандарм. – Он отлично разбирается в лошадях.

Девушка повернулась к отцу.

– А этот Халиска не лишен чувства такта, – заметила она.

– Не понимаю, о чем ты, – отозвался дон Томас.

– Ну конечно, не понимаешь, – усмехнулась дочь, – однако... – Тут она рассмеялась и посмотрела на дону Эмилиано.

– А ты знаешь, в чем еще, дорогой мой Эмилиано?

Глянув на нее, он сдавленно ответил:

– Надеюсь, что нет.

– И все же ты знаешь! – весело смеясь, заявила Доротея.

Она вообще была очень веселой девушкой.

– Так вы полагаете, – вновь заговорил дон Томас, – что на белом свете существует только один человек, способный на подобную дерзость? Только один бесстрашный дьявол, кото-

рый разбирается в лошадях, как в своих пяти пальцах?

– В лошадях и во многом другом, – повторил жандарм. – Готов присягнуть, что здесь побывал Эль-Кид.

Я слышал, как его описывал дон Эмилиано. Дон Эмилиано, можно вас спросить?

– Спрашивай, черт тебя побери!

– Давайте, давайте! – подбодрил жандарма Леррас.

– Когда вы увидели его, – начал Халиска, – он показался вам крупным мужчиной?

– Да, – ответил Лопес.

– С могучими плечами?

– Да.

– И тем не менее по тому, как он двигался, можно было определить, что он без труда взберется на дерево?

– Да, – снова подтвердил дон Эмилиано. – Он двигался легко, как кошка... Да, очень похоже на кошку.

– На нем была маска?

– Да.

– И поэтому вы не смогли как следует разглядеть его?

– Да.

– А цвет его волос?

– Черный.

– А цвет его глаз? Они, случайно, не были синими?

Тут Лопес впервые за все время сорвался.

– Да, синие, синие, синие! – закричал он. – Боже праведный! Этот человек прав! Это действительно был Эль-Кид!

– Ой! – воскликнула Доротея. – Как бы мне хотелось увидеть его!

– Доротея! – снова одернул ее отец.

– В цепях и с петлей на шее, – закончила девушка.

– Но что из всего этого следует? – оттягивая ворот рубашки, чтобы стало легче дышать, спросил дон Эмилиано.

– А вот что. Когда Эль-Кид уезжал, то поклялся, что, если мать Хулио тронут хотя бы пальцем, он спустится с гор и свершит возмездие...

– Да, это его слова. Но откуда вам они известны? Я говорил об этом только одному человеку, – полюбопытствовал Лопес.

– Сеньор, слухами земля полнится, – парировал жандарм.

– Ладно, не важно. Это правда, – нетерпеливо заключил дон Томас. – Но что нам это даст?

– Очень многое, сеньор, – облизал губы кончиком языка Бенито Халиска.

– Не тяните! – поторопил его Леррас.

– Ведь мать этого Меркадо так и не тронули? – поинтересовался жандарм.

– Она старая женщина, – вмешался дон Эмилиано, – и не несет ответственности за то, что ее сын спятил.

– А если ее, предположим, бросить в тюрьму? Слегка выпороть – только для вида – и посадить за решетку? – предложил Халиска.

– И что? – не понял дон Томас. – Не думаете же вы, что

этот гринго Эль-Кид, каким бы дураком он ни был, будет настолько безрассуден, что примчится ей на выручку?

– Сеньор, он всегда ведет себя безрассудно, когда дело касается его слова, – объяснил жандарм. – А в данном случае Эль-Кид дал обещание.

– Он никогда этого не сделает, – покачав головой, возразил Леррас.

– А вдруг сделает? Или все же не сделает? – пробормотала девушка.

– Позвольте мне рассказать вам одну историю, – обратился к хозяину поместья Халиска.

– Ну рассказывайте! – позволил дон Томас, доставая сигарку и прикуривая от спички, с готовностью зажженной донном Эмилиано.

– Однажды, – начал жандарм, – к Эль-Киду, которого в стране гринго называют Монтана, явились двое проходимцев и поведали о богаче по имени Лэвери, чей сын много лет назад был похищен мексиканскими бандитами. У этого мальчика были черные волосы и синие глаза, а на спине – родимое пятно. Ну, в общем, они сделали на спине Монтаны татуировку, имитирующую родимое пятно, и он отправился к тому самому богачу Лэвери. Там родимое пятно на спине «случайно» заметили, и счастливый отец принял его за родного сына. Но однажды Эль-Кид вспомнил, что когда-то видел так называемого сына известного бандита Рубриса, Тонио. Этот Тонио был серьезно ранен в жестокой схватке с

жандармами, в которой я тоже принимал участие. Его захватили в плен и перепроводили в городскую тюрьму. И вот, когда его вели по улицам, полуобнаженного, истекающего кровью, Эль-Кид и увидел на спине Тонио родимое пятно – настоящее родимое пятно. Теперь он понял, кто был настоящим сыном Лэвери. Недолго думая, Эль-Кид отправился на юг, в глубь Мексики, вызволил Тонио из тюрьмы и чуть ли не насильно отвез его на родину. Рубрис, как обезумевший ягуар, следовал за ними по пятам, то и дело атакуя беглецов. Вот так Эль-Кид вернул Тонио настоящее имя и причитающееся ему по праву наследство. Теперь этого парня зовут Ричард Лэвери... А рассказал я вам эту историю, сеньор, для того, чтобы показать, что в Эль-Киде сидит настоящий бес, которого нам, простым смертным, не понять. Этот бес толкает его на поступки, которые другие ни за что не стали бы совершать. И как верно то, что Монтана добровольно отказался от благородного имени, любви достойного семейства и миллионов песо, точно так же верно, что он спустится с гор, дабы выполнить свое обещание, стоит вам лишь пальцем коснуться матери Хулио Меркадо.

– Пусть же так и сделают! – воскликнула Доротея Леррас. – Пусть схватят мать пеона, высекут и бросят за решетку! Вот тогда-то мы и посмотрим, действительно ли Эль-Кид таков, как о нем говорят.

– Терпение, детка, терпение, – остановил дочь дон Томас. – Это будет сделано, и очень скоро.

Глава 6

Брат Паскуаль изо всех сил стукнул о землю посохом. Потом снова поднял его и с силой воткнул в щель между скал, слегка расщепив прочную древесину на самом конце.

Он все еще слышал песню, которая плыла над горным перевалом среди огромных скал, отзываясь эхом от пустынных холмов, таких же голубых и сияющих, как небеса.

Эту старинную песню брат Паскуаль слышал и раньше. И всегда она заставляла его неодобрительно качать головой, поскольку слова ее мало походили на христианское воспевание любви. Но сейчас, помимо всего прочего, у монаха защемило сердце, потому что он узнал голос, исполнявший песню.

Разве можно перевести на наш грубый, тяжеловесный язык искрящийся водопад мексиканских слов? Но если сделать это добросовестно, строку за строкой, и постараться придать переводу некоторое подобие поэтической формы, то получится примерно следующее:

О, ветер марта! Скоро ль ты задуешь,
Развесели цветами склоны гор?
Апрель! Когда же ты дохнешь теплом весны,
С глаз наших снимешь пелену зимы?
О май! Когда же принесешь в мои объятия

Последняя строка здесь настолько приглажена, что мало соответствует оригиналу, поскольку истинный ее смысл заставил бы покраснеть даже самого развязного стихотворца. Однако в Мексике то, что мы в нашей холодной стране зовем стыдливо «естественными потребностями», вызывает лишь веселый смех.

Одним словом, брат Паскуаль так и стоял, опершись огромной дланью о посох, слушая песню, пока из-за поворота не появилась девушка, столь легконогая, что казалось, она не ступает, а летит над землей.

Завидев монаха, девушка раскинула руки и с радостным криком бросилась к нему. Обняв широкие, мощные плечи великана, она подпрыгнула и расцеловала его в обе щеки. Потом, рассмеявшись, отстранилась от него и воскликнула:

– Брат Паскуаль! Ну надо же! Как я рада тебя видеть! Ну и чудеса – сколько бы ты ни бродил по горам, твой живот ничуть не уменьшается?! – и ткнула указательным пальцем в складки рясы повыше веревочного пояса.

– Что ты такое говоришь, Розита? – забыв, что собирался выговорить ей, произнес монах. – Живот мой не так уж и велик; просто я подтянул рясу повыше, чтобы было легче идти. Вот и получились складки, хотя на самом деле я вовсе не толстый.

– Ни за что не поверю, пока не увижу собственными гла-

зами, – воскликнула Розита.

– Ну, тогда... – По простоте душевной монах уже начал приподнимать рясу, но, опомнившись, остановился. – Ах, Розита, – покачал головой укоризненно, – ты ведешь себя как чертенок. И сам старый черт всегда где-то рядом с тобой.

– Потому что он любит хорошеньких, – заявила Розита.

– Уж это точно, – согласился брат Паскуаль. – Ты очень красивая девушка, Розита.

– Небось ты каждый день встречаешь женщин в тысячу раз красивей, чем я, – поддела его Розита.

– Ну что ты! – не согласился монах. – Когда я брожу по горам и иногда размышляю о прекрасных женщинах, то у них у всех оказывается твое лицо.

– А что ты делаешь здесь, разгуливая среди скал? – полюбопытствовала девушка.

Монах выдернул из расселины посох, куда сам забил его, потом со всего маху вонзил палку на место.

– Послушай, Розита, бывают моменты, когда я просто не знаю, как мне разговаривать с тобой...

– А ты когда-нибудь знал, как надо разговаривать с женщинами, не считая старух, конечно?

– Я? Не уверен, – замялся брат Паскуаль.

– А почему не уверен?

– Потому что меня об этом никогда не спрашивали, – грустно признался монах. – А что, я совсем не умею разговаривать с женщинами?

– Ты говоришь так замечательно, что я просто не могу не любить тебя. – Розита снова попыталась расцеловать его.

Однако монах отстранил ее огромной ручищей:

– Дорогая, мне нужно кое-что сказать тебе.

– Я тебя слушаю. Может, поговорим по дороге?

– Во время ходьбы я сбиваюсь с мысли.

– Тогда зачем понапрасну тратишь столько времени, расхаживая по горам?

– Я хотел тебе что-то сообщить, и вот, пожалуйста, забыл, что именно, – сокрушенно вздохнул брат Паскуаль.

– Наверное, что-то насчет меня? – подсказала Розита.

– Ах да! – обрадовался монах. – Вернее, насчет этой замечательной... я хотел сказать – скверной песенки, что ты только что пела, Розита.

– Я думала, что, кроме гор и овец, меня никто не слышит, – улыбнулась девушка. – Братец, дорогой, я же пела ее не для мужчин.

– Почему ты всегда только и делаешь, что думаешь о мужчинах? – возмутился он.

– А о чем еще думать девушке?

– Ну, есть же эти горы, чистое голубое небо над ними, а за всем этим – вечное царство небесное.

– Но я спрашиваю, что делать девушке здесь, на земле?

– Цыц, Розита! Иногда ты выводишь меня из себя.

– Но, брат Паскуаль, если я стану петь о святом и возвышенном, то что останется на твою долю?

– Не знаю, – в замешательстве проговорил монах. Потом вдруг остановился и с силой опустил посох на землю. – Ты снова насмехаешься надо мной, Розита.

– Самую малость...

– И все же насмехаешься! Но вовсе не это сердит меня, Розита, а то, что ты расхаживаешь повсюду и распеваешь о мужчинах. Вот что печалит меня.

– Я пела не о мужчинах, а о ветре.

– Помилуй тебя Господь, бедное дитя! И прости меня, Господи, за то, что я не могу сердиться на нее.

– Но я же пела не о всех мужчинах, а только об одном.

– Какая разница?

– Еще какая! – возразила Розита. – Это все равно что сравнивать законное супружеское ложе с кое-чем другим... Но мы же не будем рассуждать на эту тему?

– Нет-нет! Конечно нет! – торопливо прервал ее брат Паскуаль. – Но, дорогая...

– Да, брат?

– Я хотел сказать... Что собирался сказать?

– Что-то насчет мужчин.

– Ты нашла своего мужчину?

– Нашла.

– И он тебя любит?

– Немного, – задумчиво склонив головку, призналась де-вушка.

– А он хороший человек?

– Он умеет красиво говорить с женщинами.

– Ах, Розита! – возмутился монах. – Неужели ты подда-
лась очарованию какого-то юного болтуна?

– Он очень смелый.

– Это он так говорит, – пробурчал себе под нос брат Пас-
куаль.

– Я так сильно люблю его, что даже решила прийти к
нему сюда, в горы.

– Мне придется молиться за тебя, Розита.

– Не забудь заодно помолиться и о себе.

– Помолюсь. Обязательно.

– Но что завело тебя так далеко в горы? Ведь здесь не твой
приход и не то место, где люди могут обратиться к тебе.

– Бедные монахи, Розита, должны быть везде, где людям
может понадобиться помощь и успокоение – как телесное,
так и духовное.

– Однако, брат, ты идешь ко всем здешним людям или к
кому-то одному?

– В данном случае – к одному.

– И он нуждается в тебе?

– Да.

– Он великий грешник?

– Есть и грешнее его, Розита, но таких немного.

– И он станет прислушиваться к твоим проповедям?

– Прислушиваться? Я на это надеюсь.

– А раньше прислушивался?

– Розита, о чем ты говоришь?

– Брат Паскуаль, дорогой мой брат Паскуаль, какой же ты слепой осел! Ты что, думаешь, я не знаю?

– Что ты знаешь?

– Я иду той же тропинкой, что и ты.

– Похоже на это – раз мы встретились.

– Ты что, не догадался, что мы идем к одному и тому же человеку?!

– Боже всемилостивый! – воскликнул монах.

– Не всегда он такой уж милостивый, но все же пусть по-может мне добраться до него! Ведь ты же разыскиваешь Эль-Кида.

– Так это в него ты влюбилась, Розита?

– А почему ты говоришь так, словно это тебе нож по сердцу? Ведь ты и сам любишь его.

– Люблю. Но он никогда еще не принес счастья женщине.

– Мне принесет... Хоть чуть-чуть.

– Розита, этот путь приведет тебя к греху.

– А разве бывает счастье хоть без небольшого греха?

– Цыц, дитя мое! Счастье в грехе? Грех в счастье? Нет, конечно нет.

– И что же тогда делать?

– Выйти замуж за порядочного человека, дитя мое.

– Который ложится спать в десять вечера и держит лавку?

– Почему бы и нет?

– Послушай, брат, а стал бы ты скитаться среди незнако-

мых гор и чужих людей ради спасения души такого вот лавочника?

– Надеюсь, что да.

– Надеешься, но – стал бы?

Брат Паскуаль совсем не умел врать. Крепко сжав пальцами посох, он покачал головой:

– Очень странно, но ты добралась до тех уголков моей души, в которых я еще сам до конца не разобрался. Да простит меня Господь!

– Господь возлюбит тебя еще сильнее, – заявила Розита.

– Однако, дорогая, ты пытаешься учить меня, хотя наставником должен быть я.

– Тогда пойдем вместе. Если мы будем говорить о нем, то тем самым будем наставлять друг друга. Ведь ты хочешь поговорить о нем?

– Когда я говорю о нем, у меня начинает щемить сердце...

Кто может назвать его плохим человеком, Розита?

– А кто может назвать его хорошим? – подхватила девушка. – Ведь он же разбойник.

– Это так. Но он такой добрый, Розита. Такой великодушный и отважный.

– А скольких он убил?

– И это правда. Он убивал людей. За каждого убитого им я воздал Господу не одну сотню молитв... И все же он убивал их, и это разрывает мне сердце. Не хочу даже думать об этом.

– Но если мы думаем о нем, то не должны забывать и об

этом.

– Истину говоришь, – отозвался монах. – А пока мы идем к нему, спой-ка мне песенку, Розита.

Девушка запрокинула голову и запела старинную мексиканскую песню:

Ящерица юркнула в щель,
Косуля приникла к скале,
Камнем упал ястреб с неба,
Я знаю: идет он, идет...
Звон его шпор уж близко,
Я вижу – идет он, идет...

– Цыц, Розита! – оборвал ее монах.

Распевая песню, девушка еще и пританцовывала, поэтому слегка запыхалась, но, несмотря на это, весело рассмеялась.

– В моем сердце только он, – воскликнула она, – поэтому я должна петь и танцевать для него. Поспешим же! Какая удача, что я повстречала тебя, брат. Ты послужишь мне пропуском в ущелье.

– А что ты знаешь об ущелье?

– Я знаю то, о чем никто и не предполагает, что я могу знать, – вновь рассмеялась девушка.

Расправив плечи, монах покачал головой и, погрузившись в мрачные мысли, зашагал вперед. Он понял, что никакие разговоры не помогут образумить Розиту.

Глава 7

Человек, прибывший с севера, был настоящим обитателем пустынь: тощий, иссушенный солнцем, с глубокими морщинами вокруг глаз. Ресницы его выгорели до такой степени, что стали почти белыми. Он стоял перед Рубрисом, а тот взволнованно расхаживал по комнате, сверкая глазами то на посланца, то на Хулио Меркадо, который примостился возле окна, тревожно подергивая головой.

Наконец Рубрис произнес:

– Советую тебе держать язык за зубами. Кроме меня и Меркадо – никому ни слова. А самое главное – Эль-Киду.

Взмахом руки велел посланцу убираться, Рубрис повернулся к Хулио:

– Если Эль-Кид узнает, что твою мать били – пусть даже не сильно, – он голубем полетит на север, во владения Лерраса. И угодит прямо в пекло. Именно в пекло. Ни одна живая душа не сможет подобраться к поместью и остаться при этом в живых. Они поставили под ружье несколько сотен человек и охраняют каждую тропинку на пятьдесят миль вокруг. Им просто не терпится распять Эль-Киду, да еще содрать с него кожу, чтобы он каким-нибудь чудом не уцелел... Ты понимаешь меня, Хулио?

– Понимаю, – моргая, ответил тот.

– А чуть позже, – продолжал Рубрис, – я возьму своих ре-

бят и найду способ вытащить ее оттуда. Но только не сейчас, а когда все немного поутихнет. А она... Ведь она крепкая старушка, не так ли? Ну конечно, она именно такая! Вот и хорошо. Пусть немного потерпит. Отдохнет в тюрьме. А чуть погодя я вызволю твою мать, живую и невредимую. Ты меня слышишь?

– Да, сеньор.

– Ты мне веришь?

– Да, сеньор.

– Тогда пошел с моих глаз долой. Ты доставляешь мне слишком большие неприятности. Значительно большие, чем стоишь... И если до ушей Эль-Кида дойдет хотя бы одно слово... Я сдеру с тебя шкуру, как с козла!

А празднование в честь возвращения Эль-Кида все продолжалось. И пока легендарный герой был с ними и пока не иссякли запасы говядины, баранины и козлятины, казалось, что веселому застолью не будет конца.

На этот раз к ужину подали особое блюдо – зажаренного целиком кабана, которого водрузили прямо перед Рубрисом. Разделявая его на порции, Матео действовал с необыкновенной ловкостью. Он разрубал кости топориком с широким лезвием, а здоровенным охотничьим ножом рассекал мясо на огромные куски, которые затем передавал всем собравшимся за столом. Стол этот заслуживал особого внимания, поскольку именно ему была обязана своим существовани-

ем сама хижина. На этом месте когда-то давным-давно ураган повалил могучую сосну, своими гигантскими размерами поразившую воображение Рубриса. И пока часть его людей возводила вокруг ствола дерева стены бревенчатой хижины, остальные под его руководством, вооружившись топорами и теслами, обрабатывали поваленную громадину.

Сначала они обтесали верхнюю часть ствола, получив плоскую столешницу восьми футов диаметром, весившую не менее нескольких тонн. Потом занялись обработкой нижней его части, которую обрубали до тех пор, пока не образовалось достаточно места, чтобы туда поместились не только колени, но и вытянутые ноги. Так бревно приобрело форму стола. В одном его конце выдолбили специальную выемку для самого Рубриса, а в другом – точно такую же для другого места, которое обычно оставалось незанятым. Но этой ночью там восседал Монтана. Торцы бревна обровняли, придав им форму сердца. Получился стол сорока футов длиной; ствол сосны был огромным и практически не сужался по длине, из-за чего создавалось впечатление бесконечности. За таким столом свободно умещалось более двадцати человек. В центре его были вырезаны инициалы или имена разбойников. Таким образом, огромный сосновый ствол здорово походил на «Круглый стол» короля Артура с начертанными на нем именами рыцарей.

Большинство пирующих были молоды. При том разбойничьем образе жизни, который они вели, человек уже после

двух лет набегов и перестрелок становился ветераном, а если ему удавалось прожить лет пять, то его можно было считать счастливчиком. Однако немалое число этих молодцов пробыло в банде Матео Рубриса уже более пяти лет – и все благодаря тому, что тот обладал особым талантом выводить своих парней из самых невероятных переделок с минимальными потерями.

Все собравшиеся в эту ночь за столом, за исключением новичка, Хулио Меркадо, были людьми прославившимися. Взять хотя бы Вильяхена, знаменитого своим виртуозным искусством владеть ножом.

Это он спустился с гор и в одиночку выступил против генерала Папантла и его тысячи солдат. Под покровом ночи этот смельчак пробрался в лагерь генерала. В тишине раздался лишь свист рассекаемого воздуха; удар достиг цели и здоровенный нож пронзил грудь генерала. А когда труп обнаружили и извлекли из него нож, то на рукоятке увидели надпись: «Счастливого пути, дорогой генерал. С наилучшими пожеланиями. Вильяхен».

Солдаты бросились на поиски убийцы, но Вильяхен словно растворился в той самой темноте, под покровом которой проник в лагерь.

Круглолицый человечек с наивной улыбкой, по имени Колоньяс, больше походил на деревенскую девушку, чем на головореза, но при этом отличался необыкновенной изобретательностью в вытягивании секретов из самых стойких людей.

Паредон когда-то был знаменитым карманником, изворотливым как змея. Поговаривали, будто он способен, стоя на коленях и получая у епископа благословение, незаметно срезать с его мантии золотые кисти.

Роблес не мог жить без своих ружей. Постоянно под рукой у него находилась парочка отличнейших дробовиков. Это был тихий, спокойный парень, пока дело не касалось опасного задания. Тут он становился настоящим маньяком, который мог с легкостью отнять чужую жизнь лишь ради удовольствия убивать.

Ороско оказался тем самым бандитом, который, не долго думая, отправился напрямик в Мехико-Сити только потому, что увидел в газете фотографию великолепных лошадей президента республики. Он украл этих красавцев и вернулся с ними обратно, на север.

За каждым из сидевших за столом тянулась целая история, долгая и увлекательная. Это были настоящие головоломки, однако Рубрису удавалось железной рукой сдерживать их буйный нрав. И сейчас он, с потным, сияющим от счастья лицом, восседал во главе стола, одаривая благосклонностью всех присутствующих. Он передавал им огромные дымящиеся куски свинины, стопки вкуснейших маисовых лепешек, приготовленную тремя различными способами горячую фасоль, каравай свежее испеченного хлеба, початки молодой кукурузы, хорошо прожаренной, необычайно нежной и сладкой... Все эти яства запивались целыми реками красного ви-

на. Но вот в самый разгар веселья дверь неожиданно распахнулась и в комнате появилась громадная фигура брата Паскуаля.

Все пирующие с радостным ревом поднялись на ноги. Рубрис вскочил на кресло и, как был босым, бросился прямо по столу к дверям. Спрыгнув на пол, он очутился в медвежьих объятиях улыбающегося монаха. Восторженно вопя и поднимая чаши с вином, разбойники сгрудились вокруг прибывшего гостя.

Один только Монтана не спешил. Он выжидал, пока монаха не обступили плотным кольцом, ведь каждый старался пробиться как можно ближе, чтобы поднести ему чашу вина первым. Затем несколькими шагами достиг края толпы и, оттолкнувшись от плеча ближайшего парня, взлетел над бандитами, приземлился прямо перед носом брата Паскуаля.

Раздался громкий восторженный вопль. Вне себя от радости при виде Монтаны, монах схватил его обеими ручищами, поднял высоко над головой и двинулся по направлению к столу, неся вырывающуюся и брыкающуюся ношу.

Увидев славного героя в столь беспомощном положении, молодцы Рубриса пришли в неистовый восторг. А Монтане, так и не сумевшему освободиться, пришлось с улыбкой покориться своей участи. Когда здоровенный монах снова опустил героя на ноги, лицо его полыхало как маков цвет.

Рядом возник повар с огромным кубком, в который вмещалось не меньше кварты вина. Для того чтобы наполнить

его до краев, понадобилось опустошить в него несколько чаш поменьше.

Брат Паскуаль поднял богатырский кубок и, воздев глаза к небесам, провозгласил:

– Господь Всемогущий, обрати свой взор с небес на этих нехристей и постарайся разглядеть в их сердцах только хорошее. Аминь!

Прочитав молитву, он уселся за стол между двумя разбойниками, готовыми ради него перерезать всех остальных. Но и другие не пожелали оставаться в стороне. Они сгрудились вокруг, похлопывая брата Паскуаля по спине, щупая его могучие мускулы и посмеиваясь, будто брат истошал и стал худым, как подросток.

Вдруг монах вскочил с места и воскликнул:

– Матео! Матео! Я чуть не забыл о самом главном... Ты помнишь танцовщицу Розиту? Она, как и я, догадалась, что Эль-Кид у тебя, и пришла вместе со мной. Как только услышала о событиях в поместье Лерраса, так сразу и догадалась. Можно ей войти?

Но тут от двери донесся голос:

– Это кто собирается ввести девушку в мужскую компанию? Кому тут понадобилась женщина?

Все разом повернули головы к говорившему и увидели высокую стройную фигуру Ричарда Лэвери. Рассмеявшись, юноша добавил:

– И что это за охрана, когда кто угодно может совершенно

спокойно проехать по ущелью вслед за толстым монахом?

Из глоток тех, кто не забыл, как многие годы в их банде жил и воспитывался похищенный мальчишка, считавшийся сыном Рубриса, вырвался крик: «Тонио!» Но затем сразу же повисла напряженная тишина. Никто из них не мог бы сказать, каковы теперь отношения между «отцом» и «сыном», поскольку всем было известно, что Тонио умыкнули от них, и не без содействия Монтаны.

Бандиты с тревогой смотрели на Рубриса. При виде приближающегося гостя на лице атамана отразилась целая гамма чувств. Он уже поставил ногу на кресло, собираясь броситься приветствовать Тонио, как это было при встрече монаха, но затем передумал. Опустив ногу на пол, Матео гордо выпрямился в ожидании. Его красная шапочка сбилась набок. Тяжело дыша, он напряженно следил за медленно приближающимся Ричардом Лэвери. Но и сам Тонио был напряжен не меньше «отца». Он побледнел. Голова его надменно вскинулась вверх. Не доходя до Рубриса пару шагов, юноша остановился. Присутствующие затаили дыхание. Наконец Тонио, внезапно поддавшись прежним сыновним чувствам, широко раскинул руки и заключил Рубриса в объятия. Тот в ответ с такой силой сжал «сына», что едва не выпустил из него весь дух. Он так обрадовался, что по его безобразному лицу потекли слезы радости.

– Пусть все будут свидетелями! – восторженно проревел Рубрис. – Дружба крепче, чем женская любовь или любовь

Господа. Видите, стоило появиться Эль-Киду, как за ним последовали и остальные. Совсем недавно я был наедине со своими мошенниками, и вот я уже окружен самыми преданными друзьями! Господи! Да теперь я с большей легкостью готов отдать мою кровь, чем когда-либо проливал чужую...

– Но ты забыл о девушке, Матео! – прогремыхал бас монаха. – Как быть с Розитой?

– Я выйду к ней, – нахмурившись, произнес Монтана. – Ей следовало быть более благодарумной.

Но тут Вильяхен, виртуоз кинжала, вскочил с воинственным индейским кличем.

– Завяжем ей глаза и приведем сюда, – воскликнул он. – И если она узнает Эль-Кида в темноте, лишь при помощи рук, то она – его. В противном случае она будет принадлежать тому, кого выберет.

Со всех сторон послышались возбужденные боевые выкрики.

– Позови ее, брат Паскуаль, – велел Рубрис.

– Нет! – возразил Монтана, но его протест потонул в реве толпы.

Хохочущий от души Рубрис хлопнул Кида по плечу:

– Успокойся! Или ты настолько сильно любишь эту девушку, что готов жениться на ней?

– Сам не знаю, – признался Монтана.

– А если не знаешь, то тебе и не о чем беспокоиться.

Предоставь это дело мне. Все будет так, как ты захочешь.

Монах подошел к двери и громко крикнул в темноту. За ним последовало с полдюжины бандитов, которые, обогнав монаха, схватили девушку. Ее испуганный вскрик заставил Кида вскочить, но Рубрис успел поймать его могучими ручищами.

– Спокойно! Спокойно! – произнес он. – Если девушка оказалась настолько глупа, что пришла сюда, то теперь ей придется играть в наши игры и по нашим правилам. Ты знаешь, мои ребята не уважают законы, они просто придумывают свои. Однако сам все увидишь. Ничего с ней не случится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.